

ИДЕТ ЧЕЛОВЕК

Над широкой равниной у края зубчатых гор кружились облака, и наконец первый раз за много дней, даже месяцев, выглянуло солнце. Просвет в небе все увеличивался, посветлели буковые и грабовые леса, переплетенные лианами и виноградом дубовые рощи, поляны, заросшие густой травкой, и степь, где трава человеку по пояс.

Лошади, зебры и козлы в смешанных стадах отряхивали короткую шерсть и фыркали, вертя головой. Угрюмый носорог, живой яростный таран, вышел из кустарника на открытое место, понюхал воздух, шумно втянув его в широкую грудь, удовлетворенно хрюкнул.

В стаде лесных слонов вожак — брюхо у него все поросло густым длинным волосом — громко протрубил, приказывая своим родичам перестроиться для выхода на поляну. Выдры и лисицы вылезали из нор. Гигантский бобер ростом с современного волка блаженно зажмурился на берегу глухой лесной черной речки.

Солнечный луч пробился через несколько навесов зеленых листьев и упал на лоб леопарду. Он открыл один глаз, потом закрыл его. Ему не хотелось двигаться, так приятно было ощущение тепла.

И бегемот на болотистом плесе реки тоже радостно зафыркал. Он мерз в течение долгих месяцев, не понимая, что происходит и отчего ему постоянно холодно. Он был последним бегемотом в этих краях. Его породе надлежало вымереть от наступающего с севера похолодания, но он не знал этого и только удивлялся, что нигде не встречает ни самок, ни молодняка, ни таких же старых, матерых самцов, как сам.

Солнце светило, капли только что кончившегося дождя сверкали в листве и в травах, все запахи на равнине переменялись, став гуще и сильнее.

И тогда в предгорье, на полянке недалеко от ручья, проснулся Его Величество Пещерный Лев. Сначала шевельнулся кончик

хвоста, затем волной подернулась шкура на спине, затрепетали ноздри широкого черного носа, открылись желтые глаза. Лев поднял могучую голову, привстал, потянулся, выгнув спину и царапая землю когтями передних лап. Он встряхнул гривой, глубоко вдохнул, с шумом выдохнул и потоптался на месте. Тут же лежали остатки кабана, зарезанного день назад. На спине и задних ногах еще было почерневшее мясо — его не съели мучающиеся голодом гиены, не решились подойти близко к спящему Владыке.

Лев лениво тронул объединенную кабанью голову, постоял миг рядом, чуть присел, с неожиданной легкостью бросил в воздух свое четырехсоткилограммовое тело, пролетел десять метров и мягко, как пролился, опустился на траву возле ручейка. Не дрогнула, а лишь плавно качнулась головка ромашки в сантиметре от его лапы.

Пещерный лев опустил голову, напился воды, чавкая. Широкий розовый лист языка облизал губы — серой обезьяне, вжавшейся высоко над ручьем в ствол дерева, странно было видеть этот язык, такой беззащитный среди жутких белых клыков.

Затем Его Величество еще раз потянулся, мурлыкнул дважды, как бы примериваясь, пробуя голос, полуприсел на задних лапах, набрал воздуха, из глубины себя пустил низом могучий, все обнимающий рев.

Звук пошел по травам, заплутал между деревьями леса, пронесся над болотами, лугами и потек степью.

И все живое на километры вокруг замерло, застыло на мгновение. Стада зебр и лошадей остановились, как бы натолкнувшись на невидимую стену, леопард в чаще привстал и окаменел, вожак слоновьего стада растопырил уши.

Звук нагнетался толчками, нагоняя тоску, обещая смерть и заволаживая. После минутного оцепенения прыгнул в воду бобер, крупным махом пошел в глубь лесной чащи леопард — сам яростный боец, он все равно не хотел очутиться на одной дорожке с пятнистым желтоглазым царем. Слоны потянулись на открытое место, повернуло в сторону от приречных кустарников стадо буйволов, ошалело ринулся, не разбирая куда, носорог. Земля задрожала от тысяч копыт — побежали лошади и зебры.

Всемогущий знал, что он предупреждает свою будущую жертву, но знал также и то, что она не уйдет от него. Слон, буйвол, антилопа все равно живут там, где они живут и где им знакома местность. Страх не заставит их покинуть пределы знакомого — ведь там, за этими пределами, ждет еще больший страх. Лошадь не побежит от

волка по неизвестным местам — ей нужно знать, на какой пропешинке между трав она вдруг резко свернет в сторону, заставив преследователя проскочить вперед. И олень не станет мчаться куда придется, а поскачет известной ему тропинкой, чтоб не застрять рогами в ветвях мелколесья.

Владыка чувствовал, что звери лишь перегруппируются, но не уйдут далеко, и этой именно перегруппировки он хотел, рассчитывая найти свою жертву там, где ей должно быть. Как шахматный игрок в эпоху человека и шахмат, он желал, чтоб противник правильно разыгрывал определенный дебют, так ему было удобней.

И действительно, на границе своей территории стада копытных остановились, постояли и повернули обратно, леопард сделал большой круг и вернулся почти туда же, где был. Все стало пастись, охотиться, принохиваться, прислушиваться. Но напряженно. Ожидая, пока новый, удовлетворенный рык скажет: «Я поймал, я сыт. Живите».

Пещерный лев еще потянулся и сел, то выпуская, то убирая когти.

Он был великолепным устройством для убийства. Самым совершенным, какое пока еще знала история Земли. Доведись ему встретиться с тираннозавром, крупнейшим из хищных ящеров, от которого льва, правда, тоже отделяли миллионы лет, желтый царь одолел бы, наверное, и тираннозавра. Ящер был громаден, но туп, малоподвижен. А у льва были не только стальные мускулы, но и хитрость, и мгновенная реакция.

В нем природа дошла до высшего. Такой грудью с перекачивающимися мышцами, такими когтями и клыками, такой силой в задних лапах, бросающих его тело на десять-пятнадцать метров, не мог похвастаться никто. Каждое его движение было законченным, почти художественным. В нем пела музыка, он был живописен и скульптурен. Им, Его Величеством Пещерным Львом, природа как бы говорила то, что она в дальнейшем скажет человеческим искусством.

Лев перескочил через ручей и, не таясь пока еще, сошел в лесостепь на охоту. Страх катил перед ним, как артиллерийская подготовка; все живое, за исключением мелочи, вроде птиц, белок и разных жуков, разбегалось, оставляя мертвую зону.

Человек по имени Уц, старый, но крепкий, стоявший на холме в нескольких километрах от лежки льва, услышал голос желтого царя уже ослабленным. Тяжкий, все заполняющий рык и дошел до

Уца лишь потому, что тот тоже обладал почти звериным слухом. Человек понимал, что Владыка вряд ли придет за добычей так далеко, но плечи у него дрогнули. Он отметил в уме, что на охоту надо будет идти сегодня в другую сторону.

Сжав деревянное копьё с каменным наконечником — слишком ничтожно оно было и против всемогущего льва, и даже молодого клыкастого кабана в лесу, Уц оглянулся на стойбище.

Обрыв над рекой был источен глубокими пещерами, где поселились люди орды, в которой старшим был Уц. Целых полгода — от самого низкого солнца до самого высокого — почти вся жизнь совершалась там, внутри. Из-за дождя. Туда доставляли добычу, там ее жарили. Туда женщины и дети приносили мягкие сладкие корни и луковицы, если их удавалось найти. Там спали у костров и сидели днем, глядя на потоки воды, завесой падающие с небес.

Но сегодня появилось солнце, и тотчас орда выбралась наружу из сырости и холода каменных убежищ.

На трех больших кострах жарили остатки зарезанного леопарда-молодого носорога — звери сожрали только голову, живот и уши. Бородатые мужчины готовили оружие — обкалывали кремневые ножи и рубила, оббивали наконечники для копий. Женщины, распластав на земле оленьи шкуры и прибив их по краям кольшками-сучками, отскребали изнутри мясо и жир. Одна из них, молоденькая девушка с копной светлых волос, с повязкой из беличьих шкурок вокруг пояса — ее звали Ру, — посмотрела на холм и улыбнулась. Неподалеку в реке, стоя по пояс в воде, несколько человек ловили рыбу прямо руками. Поймавший выбрасывал добычу на берег, там дети собирали ее и относили к костру. Был как раз ход рыбы.

Все шло в общий котел — закон, никем не высказанный, но само собой разумеющийся. С этим законом рождались и умирали. Даже маленький ребенок, хоть и ослабевший от длительного голода, тащил в стойбище съедобный корень, а не совал себе в рот.

Люди орды были некрупные: сто шестьдесят — сто семьдесят сантиметров ростом. Женщины поменьше, мужчины побольше. Они были и не сильные. Во всяком случае, слабее всех животных одного с ними размера и веса. Самый крепкий охотник, не будь с ним ножа, не смог бы справиться даже с антилопой.

У них были выпрямленные фигуры, длинные руки и ноги. Высокий, прямой, а не скошенный лоб и челюсти, которые не выдавались вперед.

Эти люди очень редко встречали других таких же, себе подобных. Они не знали, откуда пришли сюда, но теперь им стало совсем плохо в предгорье. Плоды и мучнистые корни поблизости были все съедены. Мелкая дичь разбежалась, а ходить за ней далеко в степь они не решались, опасаясь леопардов и других хищников.

Следовало уходить отсюда, но людям страшно было оставить удобные пещеры, где было не так холодно во время дождей и бурь и входы в которые можно было завалить камнями на ночь.

Уц посмотрел на стойбище, потом на небо. Опять накатывали тучи, готовясь поглотить солнце.

У него заныли кости — так хотелось тепла и света. Бабка рассказывала ему, что прежде было гораздо лучше. Он и сам смутно помнил жаркие лета, одно, может быть два. А дальше так оно и пошло: дождь да дождь. Была даже зима особенно холодная, когда с неба посыпалось белое. Десятки бегемотов умерли тогда у реки. Пировали гиены, но орда почти не воспользовалась мясом огромных неповоротливых зверей. Слишком холодно было. Люди укрылись в пещерах. Кутались в шкуры, но все равно многие погибли к весне.

Рядом с Уцем сидел на траве хромой Яро, молодой охотник, которому кабан недавно пропорол клыком ногу. Сейчас Яро не мог охотиться наравне с другими мужчинами и почти все дни проводил у костра, изготавливая ножи и наконечники для копий.

Он держал в руках толстый, длиной в человеческий рост, сук березы. Сук был сырой, он отвалился давно, дерево внутри сгнило и высыпалось, осталась одна кора. Заглянув в один конец, можно было увидеть в другом небо и лес.

Яро поворачивал сук и так и этак. Он заткнул более узкую дыру травой, принялся сыпать туда песок. Потом высыпал и продул отверстие.

— Зачем Яро сук? — спросил Уц. — Сук легкий, суком нельзя ударить.

— Яро не знает, — ответил хромой. Он говорил, держа у рта березовую трубу, и его голос получился неожиданно низким и гулким.

В те времена еще не знали слов «ты» и «вы». Люди говорили о себе и обращались друг к другу только по имени.

Девушка Ру, оставив свою шкуру, поднялась на холм.

— Пойдет дождь, — сказала она. — Ру хочет убрать костер в пещеру.

Уц покачал головой:

— Нет. Сучья сырые, и пойдет сильный дым. Пусть костры горят здесь.

Девушка шагнула к Яро. Она и пришла ради него. Тот поднялся, держа в руках трубу. Они стояли рядом, двое молодых людей. Степь и лес простирались перед ними. Вдали видна была группа слонов, а за ними темной массой стада лошадей. Тучи сгущались, одна налезала на другую. Только над горной грядой было чистое небо.

Старик Уц смотрел на него.

— Яро не идет на охоту? — спросила девушка.

— Нет. Яро будет здесь, — ответил хромой, и это так громко прозвучало через березовую трубу, что девушка отскочила и потом, засмеявшись, положила руку на сук.

— Дерево кричит...

За полдня пути от стойбища, где звери были не такими пугаными, трое охотников орды подкрадывались к лошадям. Это было долгое и трудное дело. Животные стояли на открытой поляне — четыре самки и самец. Кобылы опустили морды в траву, паслись. А самец оглядывался по сторонам. Принюхивался, прислушивался, шевеля ушами.

Подбросив в воздух травинку, охотники определили направление слабенького ветерка, затем стали ползти таким образом, чтоб он дул от животных к ним. Ножи и мешочки с наконечниками они оставили в кустах и двигались налегке, только с копыями. Иногда они застывали неподвижно, затем принимались ползти так медленно, что их не испугался даже выводок кроликов неподалеку.

Они проползли две трети нужного расстояния, когда ветер переменялся. Им пришлось вернуться в кусты, сделать большой обход и начать подкрадываться с другой стороны.

Когда до животных осталось только двадцать шагов, но кидать копье еще нельзя было, жеребец забеспокоился. Издав короткое ржание, он стал всматриваться в траву, где затаились Ог Длиннорукий, Мав Быстрый и еще один охотник, которого звали Рам.

Самец насторожил уши, долго-долго смотрел в траву, потом отвернулся. Но люди не шевельнулись. Это ведь было соревнование в хитрости, и победитель получал жизнь. Жеребец опять посмотрел в их сторону и лишь потом опустил голову, принюхиваясь к зеленым побегам.

Тогда трое проползли еще пять шагов, разом вскочили и кинули тяжелые неуклюжие копыя. Только одно попало самцу между ребер.

Маленькое стадо бросилось прочь, жеребец тоже поскакал. Охотники, у которых мускулы от напряжения ослабли, не стали его преследовать. С радостными криками они уселись на траву, потом, отдохнув, вернулись в кустарник за ножами и другим имуществом и затем уже направились по кровавому следу.

Жеребец упал в полусотне шагов от них. На губах у него выступила красная пена.

Увидев приближавшихся охотников, он вскочил, подпрыгнул, как бы угрожая им, и из последних сил побежал вниз по каменистой лощине. Копье болталось у него в боку.

Охотники пошли за ним. Лощина круто сворачивала. Трое повернули и опять увидели зверя лежащим. Это была прекрасная добыча. Такая, что редко доставалась им. Теплое свежее мясо, настолько мягкое, что его и нежареным хорошо было есть.

Ог Длиннорукий вынул из мешочка рубило.

Но Рам вдруг остановился. Какой-то особый запах обеспокоил его.

Он посмотрел в сторону и увидел человека. Вернее, человеческого ребенка. Мальчика. Смуглого, очень коренастого, шире их самих в плечах, хотя он был далеко не взрослый. Волосы у него на голове росли не такие, как у трех охотников, а прямые, жесткие, как лошадиная грива. Руки в бугристых узлах мускулов, а взгляд почти звериный, испуганный, но пристальный и жестокий.

Мгновение детеныш-получеловек смотрел на охотников, затем метнулся в кусты.

А в сотне шагов по лощине горел костер, возле которого стояло несколько гигантских существ в повязках из звериных шкур и с каменными топорами в руках.

Тогда трое охотников, не думая ни секунды, не стовариваясь и сразу забыв о своей добыче, повернулись и кинулись прочь. Они бросили копыя, чтоб те не мешали им, и, выбравшись из лощины, понеслись длинными прыжками. Им уже было ни до чего. Смерть посмотрела на них, и гибель нависла надо всем стойбищем. Они наткнулись на орду Бродячих, чьим главным занятием была охота на людей.

Сзади они слышали крики. Бродячие начали погоню.

Около четырех десятков мужчин, женщин и детей растягивались в широкий полукруг. Они знали, что догонят, — по-звериному выносливые и втрое-вчетверо сильнее некрупных охотников.

Это было странное ответвление человеческого рода — Бродячие. Люди, а может быть, и полулюди, в которых развитие пошло в сторону силы. Огромные, до двух с половиной метров роста, они могли руками задушить лошадь и даже тигра, но умели также добывать огонь и делать себе оружие из камня. Разум теплился под узким лбом, но низкий, придавленный свод черепа не позволял мозгу увеличиваться. У них были отчетливые, как у гориллы, надглазные валики, вытянутые вперед челюсти, короткая, толстая, заросшая волосами шея. Они ходили на чуть согнутых ногах, готовили себе на ночь гнезда из ветвей или травы или просто спали у костра сидя, обняв ноги руками и положив голову на колени. Они становились все сильнее и мускулистее из поколения в поколение, боясь на земле только владыку — Пещерного Льва. Но постепенно гигантское тело с маленьким мозгом стало требовать слишком много пищи. Они уже ушли от зверей, им было трудно тягаться с ними в проворстве, а брюхо при толстых костях и тяжелых горах мышц было ненасытным. Это был Человек Сильный, а не Человек Разумный.

Всегда страдая от голода, они сделали своей добычей тех, кто тоже не обладал ни звериным нюхом, ни силой, ни ловкостью. Бродячие истребляли орды таких же, как они, людей, кряжистых и низколобых, заросших волосами, но только поменьше ростом. Тонких и стройных охотников они встретили впервые и поняли, что их ждет пиршество.

На миг выглянуло солнце и осветило всю картину. Степь со стадами лошадей и козлов, лес, у кромки которого слоны обламывали ветви с деревьев, три маленькие фигурки убегающих охотников и широкий полукруг Бродячих.

Сначала трое оставили преследователей далеко позади. Они были быстрее, но знали, что это не спасет их, не обладающих неутомимостью Бродячих. На их памяти уже было одно такое нападение на стойбище, когда только случайный лесной пожар отрезал от людоедов кучку спасшихся.

А Бродячие не очень спешили. Они не только охотились в этот момент, но и переселялись. Все свое было у них с собой. Женщины несли детей и шкуры, у мужчин на поясе, болтаясь на ходу, висели ножи и рубила. А каменные топоры были в руках. Им было все равно, где останавливаться на ночь. Они знали теперь, что где-то есть стойбище охотников, что они перебьют там всех и там же останутся, запасшись пищей на два-три дня.

Опередив Бродячих на несколько сотен шагов, Ог, Рам и Мав Быстрый разом, как будто их объединяло общее чувство, упали в траву, проворно доползли до полосы кустарников, там поднялись и, прикрываясь зарослью дубняка от преследователей, побежали под углом к прежнему направлению.

Охотникам нужно было добраться до реки, броситься в нее и оборвать там свой след.

Но еще десятки километров отделяли их от поросшего тростниками речного ложа.

Они бежали час, равномерно, молча, не оглядываясь, поскольку знали, как много сил берет и поворот головы, и даже одно только на бегу сказанное слово.

Однако Бродячие не сбились. Неровная степь скрыла от них охотников, но рядом с главой племени скорой рысью двигались следопыты, принохиваясь на ходу. Они пошарили по кустам, показали новое направление, и орда повернула на восход. Она распалась постепенно на два эшелона: мужчины и дети повзрослее впереди, женщины сзади.

Бродячие двигались неотвратимо, как наводнение или обвал, они должны были все равно настичь свою добычу.

Возле новой полосы кустарников преследуемые охотники опять остановились. Двое уже начали заметно уставать. Грудь и плечи у Ога с Рамом покрылись потом, они дышали тяжело. Только Мав был свеж.

Трое бросились на траву, отдышались. Потом Мав сказал:

— Ог пойдет сюда. — Он показал рукой. — Рам побежит сюда. А Мав Быстрый пойдет в стойбище. Ог и Рам покажутся Бродячим.

Двое охотников согласились и кивнули. Чувство связи со своим родом было у них сильнее инстинкта самосохранения. Они понимали, что должны пожертвовать собой, чтоб Мав мог предупредить стойбище. Ог и Рам поднялись и побежали к виднеющемуся вдали лесу. А Мав переждал еще немного, пополз вдоль кустарников и, оставляя между собой и Бродячими невысокий холм, пустился к реке.

И снова преследователи не поддались на хитрость. Им была знакома такая и у зверей встречающаяся повадка, когда животное отвлекает охотников на себя, чтоб спасти молодняк. Только двое гигантов бросились за Рамом и Огом, а остальные побежали с криками и верещанием по следу Мава — именно потому, что он скрылся.

На полдороге к лесу Ог и Рам разделились. Один бросился влево, другой взял правее. И двое преследователей тоже разделились, каждый избрав себе жертву.

Рам услышал приближающиеся шаги и поднял голову. Его удивило, что к нему торопилась молодая женщина, или молодая самка. Она размахивала дубиной со вделанными в нее медвежьими клыками. Она была почти вся покрыта рыжеватой шерстью, и длинные космы никогда не чесанных волос свисали по обе стороны полузвериного лица. Мускулистые руки были вдвое толще, чем у Рама.

Женщина вскинула дубину, рыча. Тоской заволокло Раму глаза, и все для него кончилось.

Огу Длиннорукому сначала повезло. Его преследовал не очень быстрый мужчина, и он почти добрался до леса, когда понял, что уже не может бежать. На глаза ему попала осыпь, обнаженная дождевым потоком. Ог схватил камень и, когда преследователь подошел ближе, метнул в него, попав в плечо. Но Бродячий даже не остановился — это было все равно что кидать камнями в носорога. Ог вступил в лес и тут решил, что все-таки он, Длиннорукий, самый сильный из людей стойбища. И что надо не просто так отдать свою жизнь.

Гигант навалился на него. Они сцепились и упали, ломая кустарник. Выводок кабанят брызнул из-под них в разные стороны. Огу удалось ударить врага по голове вторым захваченным в осыпи камнем. Бродячий ослабел, но только на миг. Желтыми зубами он грыз Огу плечо, добираясь до горла.

Могучий кабан-секач, сопровождавший в лесу свое семейство, услышал треск ветвей и увидел что-то большое, катающееся по земле. Страх и злоба тотчас вспыхнули в нем. Он ринулся на это большое, поддел его клыком. Большое распалось надвое. Секач опять ударил и одну и вторую половину и бил до тех пор, пока они не перестали рычать и шевелиться, превратившись в груды окровавленного мяса...

Мав Быстрый той порой сделал длинный бросок и еще раз оторвался от орды гигантов. Но у него уже начали деревенеть ноги, дыхание сделалось коротким. Во рту пересохло, ему хотелось пить.

Там, где степь начала подниматься, полого спускаясь к реке, он позволил себе маленький отдых, затем, приподнявшись, глянул назад и увидел, что орда Бродячих следует все-таки именно за ним. Это его не удивило. Он понимал, что у волосатых полулюдей человеческая хитрость соединяется со звериным нюхом и они могут идти по следу не сбиваясь, почти как идут волки.

Нарвав охапку мокрой травы вокруг себя, он пососал ее, освежив рот, вскочил и кинулся к реке. Он бежал и бежал, стараясь дышать равномерно, но в голове у него мутилось, кровь сильно стучала в виски, а грудь внутри жгло. Серая лента реки показалась наконец впереди, он в последний раз ускорил бег, вошел в густые прибрежные тростники, жадно напился, плеская себе воду в рот горстью, а потом побрел по колено в воде, часто меняя направление. Там, где росль была особенно плотной, он присел на корточки и только тогда в полной мере ощутил, как смертельно утомлен. Он бежал почти полдня непрерывно. Собственное тело казалось ему пустым и высохшим. Только ум работал напряженно, слушали уши и глядели глаза.

Через какое-то время крики раздались поблизости, потом шаги зачавкали в болотистой почве. Трое Бродячих прошли совсем поблизости, потом остановились, переговариваясь короткими звуками. Они нюхали воздух, и Мав порадовался, что ветер идет от них, а не к ним. Появилась женщина с ребенком на спине, нагнулась и напилась, как животное, прямо ртом.

Затем кто-то заверещал впереди. Целой толпой гиганты побежали мимо Мава на другой берег. Они торопились теперь, не глядя по сторонам, как если б решили не искать его больше.

Он долго сидел в воде, не решаясь подняться, едва веря в свою победу. Когда говор орды затих вдаль, он встал. Дыхание у него перехватило на мгновение, потом он поднял руку ко рту, чтобы подавить крик.

Уже вечерело. Далеко слева по берегу реки поднимались к небу три столбика дыма. Их было ясно видно. Туда-то и пошли охотники за людьми.

Мав чувствовал себя совсем разбитым. У него оставался теперь только один выход — перегнать по этому берегу толпу Бродячих и раньше их пересечь реку напротив стойбища.

Он выбрался на сухое место. Руки и ноги были странно легкими. Усталость и одеревенение вроде бы прошли, просто тело не желало слушаться его.

Шатаясь, он побежал.

Стойбище готовилось к ночи. Костры еще горели снаружи, но женщины носили внутрь пещер охапки хвороста. Мужчины, собравшись, рассуждали, отчего не вернулись люди из степи. Такое

вообще случалось редко. Ночь принадлежала хищным зверям, а не человеку, ее следовало проводить у огня среди своих.

Дети, готовясь ко сну, расстилали подсушенную траву в темных гротах.

Девушка Ру сидела на камне рядом с молодым Яро. Тут же лежал и пустой березовый сук. Яро просверливал острым камнем дырочку в медвежьем зубе — это должно было стать женским ожерельем.

Старый Уц на холме беспокойно вглядывался вдаль. Трое ушедших утром охотников были молодыми и сильными. Их гибель сильно ослабила бы орду.

Туман поднимался над рекой. Кругом стоял запах жареной рыбы, отбивая все другое. С поляны, где горели костры, доносились говор, смех, восклицания.

Затем крик раздался со стороны плеса, и люди увидели, как из воды по пояс в тумане вышел человек.

Все насторожились.

Совсем голый, без оружия, он вышел на освещенное место, рухнул на колени, хватая ртом воздух, потом показал рукой:

— Бродячие! Блиско!

Стон разнесся над стойбищем. Завыли, запричитали женщины, собирая детей. Мужчины хватали оружие — топоры, копья. Несколько человек бросились к большим камням, которыми на ночь заваливали изнутри входы в пещеры.

В орде было около сорока мужчин, но все понимали, что, будь врагов много меньше, все равно спасенья не было. Рядом с волосатыми гигантами даже самые сильные бойцы выглядели как дети. Но и бежать было тоже некуда, потому что Бродячие настигли бы людей стойбища и в лесу.

Несколько мгновений царила суэта на поляне, затем все убралось в две самые большие пещеры. Стало тихо. Только потрескивали брошенные костры.

И тогда появились Бродячие.

Первые тени мелькнули за пределами освещенного пространства и остановились. Постепенно людоеды накапливались в слитную толпу. Они уже устали, но не так, как Быстрый. Представители племени Человека Сильного, они были выносливее и, кроме того, были в этом соревновании преследующими, а не убегаящими. Охотника Мава весь день угнетал страх, а им, наоборот, придавала сил жажда догнать и добыть.

Наконец вожак вышел на поляну — косматый, два с половиной метра ростом, с плечами как скала. Тотчас по его зову подбежали,

принюхиваясь, два следопыта, а затем все освещенное пространство заполнила радостно воющая толпа.

Из кустов вытащили обмершего от страха старика, который не успел скрыться. Ему свернули шею, бросили тело на костер. Ненасытные животы Бродячих уже требовали пищи, но, чувствуя, что добычи будет много, они хотели сначала убить всех.

Вожак осмотрелся, затем бросился к откосу горы. Камень, загородивший вход в ближайшую пещеру, был не очень велик. Наверху между его поверхностью и известняковым сводом оставалась широкая щель. Оттуда полетели копья. Однако осажденным негде было размахнуться как следует. Только одному охотнику удалось задеть руку гиганта.

Бой начался. Бродячие навалились на камень. Изнутри держали его, но силы были неравны. Огромная полуженщина-полузверь выдернула сквозь щель одного из охотников стойбища, перехватила его обеими руками, не оборачиваясь, бросила назад. Он пролетел над толпой, упал на землю, и тут на него набросились дети.

Через минуту Бродячие ворвались в пещеру. Огонь погас внутри, его затоптали. В темноте раздавались рычание и стоны. Но вторая большая пещера еще держалась. Там Уцу сильным ударом топора удалось свалить одного из нападающих. Мощная туша заклинилась между камнем и стеной.

Бродячие пытались протолкнуть его вперед, но мертвый гигант не двигался с места. Схватка замерла на миг.

И вдруг исподволь и тихо сначала, а затем усиливаясь, раздался неподалеку тяжелый низкий звук. Грозный первый предупредительный рев — голос Пещерного льва.

Владыка был тут, рядом. Совсем близко.

Все стихло, и в тишине лев пустил свой второй рык. Он низко потек по поляне, поднялся затем, оглушая, заполняя все, сотрясая деревья, и камни, и людей, не позволяя слышать собственное дыхание, обессиливая, нагоняя смертную тоску. Звук дошел до самой большой громкости и оборвался.

Он был уже ближе. И стало ясно, что Владыка двигается к пещерам.

Бой кончился. Бродячие с воплями бежали, бросая топоры, дубины — все, что у них было.

Только один гигант, которому копье пробило живот, бился, выгибаясь, на поляне.

Наутро остатки орды пустились в путь наверх. Нельзя было оставаться — Бродячие вернулись бы, чтоб уничтожить всех.

Уц вел своих людей в горы. Несли детей, запас пищи, оружие и шкуры. Инстинктивно старейшину стойбища влекло к югу, он не знал, что уходит от холодов наступающего ледника.

Люди двигались два дня, переночевали, сидя на корточках, как обезьяны, прижимаясь друг к другу и не разводя огня. На третье утро они достигли перевала и осмотрелись.

Было ветрено. Позади лежала обширная равнина, вся затянутая тучами. Дождь лил, контуры знакомых лесов и перелесков терялись во мгле. Но впереди над ними небо сияло голубизной — казалось, они стоят на грани, разделяющей две погоды.

К югу мягко, округло спускались горы, лежали луга и поросшие кустарником долины. Солнечные лучи осветили людей. Они стояли молча, им сразу сделалось теплее. Дождь шел почти что рядом, но они уже вышли из-под него.

Уц дал сигнал, и они начали спускаться.

Ру шла рядом с прихрамывающим Яро. Он нес с собой все тот же березовый сук. Мав Быстрый — он остался в живых — потрогал пальцем трубу.

— Это первый раз так, что человек Яро заговорил, как лев.

Позади орды, над потонувшей в дожде степью, началась гроза. Молнии косо пересекали многослойные тучи, гремел гром.

В мир входило нечто новое, способное совершенствоваться бесконечно, — разум. Началась история Человека.

МЛАДШИЙ БРАТ ЧЕЛОВЕКА

...Когда все выговорились, полковник авиации, который прежде молчал, обвел нас всех взглядом и сказал:

— Хотите послушать одну историю? За подлинность ручаюсь. Сам участник.

Все согласились. Он еще раз на нас посмотрел и прикрыл дверь в коридор.

— Первый раз решаюсь рассказать в компании. Вернее, один раз попытался, но приняли за сумасшедшего. Да, так вот...

Это было примерно двадцать лет назад. Точнее — в апреле 1941 года. Мы с товарищем потерпели аварию в Сибири. Летели из Эглонды на Акон, и нам пришлось сделать вынужденную посадку в тайге.

Не буду долго рассказывать, как это случилось. Мы были в метеорологической разведке. Сначала сбились с курса — вышел из строя гирокомпас, — потом попали в болтанку. (Я был пилотом, мой товарищ Виктор Комаров — штурманом.) В облаках самолет вдруг начал проваливаться — наскочили на нисходящее воздушное течение. Я взял штурвал на себя, задрал нос машины, чтобы набрать высоту. Но самолет уже стал вялым. Отдал штурвал — машина меня не слушается: начали обледеневать. Беру круто влево, но и тут никакой опоры, как будто весь мир падает вместе с нами. Короче говоря, с двух тысяч метров мы покатались по наклонной — примерно так, как летит лист бумаги, если его в тихую погоду бросить с третьего или четвертого этажа. На высоте метров в сто пятьдесят выскочили из облаков. Какая-то снежная долина и реденький лес бешено несутся навстречу. Еще несколько попыток взять контроль над машиной — все так быстро, что даже не успеваешь испугаться. Удар, треск, длительный скрежет. Тело мучительно рвется вперед, ремни врезаются

в плечи. Еще удар, стекла кабины вываливаются. Последний толчок, пол кабины стал ее стеной, и мы висим на ремнях.

А потом начались открытия. Чувствуем запах жженой резины — машина горит. Выкарабкались из самолета, Виктор сразу упал на снег — сломана нога.

Каким-то образом у меня хватило сообразительности оставить его тут же лежать и прежде всего нырнуть в кабину за нашим «НЗ». После этого я оттащил Виктора метров на пятьдесят в сторону. И вовремя, так как через минуту огонь добрался до бензобака, и самолет взорвался.

Теперь представьте себе наше положение. До Акона триста километров. Мы — в дикой местности, где человека не бывало, может быть, от самого сотворения мира. Еды — на неделю, и у Виктора сломана нога. Почти нет шансов, что нас заметят с самолета, так сильно мы сбились с курса. И никакой возможности связаться с людьми, поскольку рация погибла вместе с машиной.

А кругом была таежная тишина, сыпал снежок, и маленькие коявые северные елки стояли как приговорившие нас к смерти безжалостные судьбы.

Я старался, чтобы мой голос прозвучал уверенно:

— Ну как, Витя?

Виктор пожал плечами, как бы говоря: «Ерунда. Бывало и хуже».

На самом деле хуже у нас никогда еще не бывало. Мы ведь оба были совсем мальчишки: ему двадцать четыре и мне столько же.

Я сделал лубки из веток Виктору на ногу и устроил его на сложенном в несколько раз парашюте. Вечер и ночь мы провели у костра. У Виктора начался жар, нога распухла и побагровела. Ему было больно, но он терпел. Разговаривать мы старались о чем-нибудь таком, что не имело связи с нашим тогдашним положением.

Утром я отправился в разведку. Когда мы еще падали, я успел заметить, что на севере долину замыкает горная гряда. Теперь нужно было установить, сумеем ли мы через нее перебраться.

Я оставил Виктору разведенный костер, запас сучьев и пошел. Снег в лесу был рыхлый, я проваливался иногда по пояс. (Позже я несколько раз пытался сделать себе лыжи из обломков фюзеляжа или из еловой коры, но мне не удавалось так их прикрепить к унтам, чтобы они не сваливались.)

Часа через три пути лес поредел, начался мелкий тальник, сохлые низкорослые березки. Потом и они кончились. Передо мной раскинулась равнина. Снег сделался плотным, его утоптали ветры.